

Крысиная нора: Фуко, Фрейд и проблема изоляции

ОКСАНА ТИМОФЕЕВА

Профессор, Центр практической философии «Стасис»,
Европейский университет в Санкт-Петербурге (ЕУСПб);
ведущий научный сотрудник, Центр «Человек, Природа, Технологии»,
Тюменский государственный университет (ТюмГУ). Адрес: 191187,
Санкт-Петербург, ул. Гагаринская, 6а. E-mail: otimofeeva@eu.spb.ru.

Ключевые слова: Мишель Фуко; Зигмунд Фрейд;
изоляция; чума; лепра; исключение; обсессивно-
компульсивное расстройство; крысы.

В статье рассматривается проблема изоляции и проводится параллель между двумя различными подходами к этой проблеме: археологией власти Мишеля Фуко и психоанализом Зигмунда Фрейда. Перспектива Фуко представлена через обращение к его критике стратегий власти по отношению к эпидемиям лепры и чумы. В случае лепры речь идет о создании недифференцированного пространства исключения, а в случае чумы — сегментированного пространства заключения. Переход от одной стратегии к другой знаменует формирование дисциплинарной модели власти: лепрозории превращаются в тюрьмы и психиатрические лечебницы. Фрейд-довский подход рассматривается на примере случая человека-крысы, в ходе анализа которого Фрейд излагает свою теорию невроза навязчивых состояний, или обсессивно-компульсивного расстройства (ОКР).

Подчеркивается актуальность темы ОКР в связи с пандемией

COVID-19, охватившей мир в 2020 году. Если традиционными стратегиями власти по отношению к лепре служили изоляция как изгнание прокаженных вовне, за пределы города, исключение, а по отношению к чуме, напротив, изоляция как закрытие города со всеми его жителями внутри, заключение, то во время *COVID-19* формируется новая стратегия самоизоляции, связанная с формированием физических и психологических барьеров, социальной дистанции. Невроз навязчивости превращается из индивидуального в своего рода коллективный симптом: эпидемиологическое отражается в психическом. В заключение приводятся два примера из художественной литературы, в которых нарушение изоляции, болезнь и заражение представлены как альтернативный чувственный опыт, — текст Романа Михайлова «Изнанка крысы» и рассказ Варлама Шаламова «Прокаженные» из «Колымских рассказов».

Фуко

ВЕСНОЙ 2020 года, когда Всемирная организация здравоохранения официально объявила о начале пандемии COVID-19¹ и правительства национальных государств приступили к разработке новых правил общественного регулирования, философы вспомнили Фуко. Созданные им инструменты анализа феномена массовых заболеваний с точки зрения генеалогии различных дискурсов и стратегий власти были опробованы рядом современных авторов, которые модифицировали и использовали их для развития собственных концепций. В частности, в серии провокативных размышлений — от резкого осуждения как власти (за слишком жесткие ограничения прав и свобод людей), так и граждан (за слишком легкое принятие этих ограничений) — Джорджо Агамбен пришел к формулировке новой концепции медицины как религии, Поль Пресьядо, вдохновившись Фуко, предложил не менее радикальные выводы о природе техно-патриархального и фармакопорнографического режимов, а Панайотис Сотирис выступил с новой позитивной программой демократической биополитики². Нельзя сказать, что идеи Фуко когда-либо

Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда в рамках проекта «Воображаемый антропоцен: производство и трансферы знания об окружающей среде в Западной Сибири в XX–XXI веках» № 20-68-46044. Центр «Стасис» благодарит за поддержку ООО «Авиакомпания Волга-Днепр».

1. ВОЗ объявила о начале пандемии COVID-19 // Всемирная организация здравоохранения. Европейское региональное бюро. 12.03.2020. URL: <https://www.euro.who.int/ru/health-topics/health-emergencies/coronavirus-covid-19/news/news/2020/3/who-announces-covid-19-outbreak-a-pandemic>.
2. См.: Агамбен Дж. Изобретение эпидемии // Центр политического анализа. 12.03.2020. URL: <https://centerforpoliticsanalysis.ru/position/read/id/izobretenie-epidemii>; Он же. Медицина как религия // Центр политического анализа. 06.05.2020. URL: <https://centerforpoliticsanalysis.ru/position/read/id/meditsina-kak-religija>; Пресьядо П. Биополитика в фармакопорнографическую эпоху // Центр политического анализа. 27.05.2020. URL: <https://centerforpoliticsanalysis.ru/position/read/id/biopolitika-v-farmakopornograficheskuju-epohu>; Он же. Мягкая тюрьма: добро пожаловать в домашнюю теле-республику // Центр политического анализа. 07.06.2020. URL: <https://>

теряли актуальность, но пандемический кризис сделал их особенно востребованными.

Исследуя места сочленений между властью и телами — тюрьмы, больницы, школы, зверинцы и т. д., — Фуко пишет политическую историю болезней. В книгах «История безумия», «Надзирать и наказывать», «Рождение клиники», «История сексуальности» и других своих важнейших текстах он анализирует разнообразные дискурсивные практики, благодаря которым исторически формируется наш опыт инфекций, патологий, психических заболеваний или половых извращений, и устанавливает формы преемственности этих практик. По тому, какие решения принимаются в отношении тех или иных болезней, грозящих дестабилизацией общества, можно судить о соответствующем режиме экономики власти.

Если обратиться к истории эпидемий, то, например, в лекционном курсе «Безопасность, территория, население» (1978) Фуко четко выделяет три таких режима: закон (суверенитет), дисциплина и безопасность — и соотносит их с тремя характерными болезнями — лепрой, чумой и оспой. У каждого из указанных режимов имеется свой основной механизм решения проблемы эпидемии. Клиническую картину суверенитета дает исключение прокаженных; дисциплинарное общество вводит карантин, как в случае эпидемии чумы; более современный режим безопасности предполагает такие сложные практики, как вакцинация, которая стала применяться с XVIII века в борьбе с оспой. Фуко располагает эти режимы в хронологическом порядке, чтобы показать, какой путь проходит власть в усовершенствовании своих отправлений, однако отмечает, что они не столько сменяют друг друга, сколько эволюционируют один в другой, так что каждый последующий режим сохраняет в себе предыдущие:

... безопасность разворачивается как движение, в рамках которого к собственным механизмам предохранения добавляются и тут же приводятся в действие старые базовые структуры закона и дисциплины³.

centerforpoliticsanalysis.ru/position/read/id/mjagkaja-tjurma-dobro-pozhalovat-v-domashnjuju-tele-respubliku; *Сотупис II*. Против Агамбена: возможна ли демократическая биополитика // Центр политического анализа. 22.03.2020. URL: <https://centerforpoliticsanalysis.ru/position/read/id/protiv-agambena-vozmozhna-li-demokraticeskaja-biopolitika>.

3. Фуко М. Безопасность, территория, население. Цикл лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1977–1978 годах / Пер. с фр. В. Ю. Быстрова и др. СПб.: Наука, 2011. С. 101.

В более ранних работах — сначала «Истории безумия» (1961), а затем «Надзирать и наказывать» (1975) — Фуко подробнее останавливается на различии между первыми двумя режимами — суверенным исключением и дисциплинарным контролем, а также на переходе от одного к другому. Я тоже задержусь на этом различии, которое сохраняется внутри третьего режима — безопасности, отдающего предпочтение введению и поддержанию профилактических мер.

Итак, первую из стратегий власти Фуко определяет как исключение. Книга «История безумия» начинается с упоминания лепрозориев, которые в конце Средневековья пустеют и приходят в упадок в связи с повсеместным избавлением от прокасы. Фуко сразу оговаривается, что это запустение продлится недолго, и вскоре бывшие колонии для прокаженных заполнятся новыми изгоями — бедняками, бродягами, умалишенными, — однако при этом не утратят изначальный ореол проклятия⁴, который как раз и возникает как эффект социального исключения: общество избавляется от проблематичных элементов. До появления лепрозориев — «проклятых» поселений, в Средние века находившихся в ведении церкви, — исключение принимало еще более грубые формы. Прокаженных объявляли нечистыми и выдворяли прочь, обязывая носить специальные одеяния, трещотки или колокольчики, по которым их всегда могли распознать, а иногда и вовсе убивали, чтобы избавить город от потенциального источника заражения.

Вторая анализируемая Фуко стратегия отличается от первой тем, что никто уже не изгоняется за пределы общества, но само оно тщательно сегментируется и реорганизуется в целях поддержания внутренней дисциплины и осуществления непрерывного надзора за всеми его членами. В книге «Надзирать и наказывать» Фуко, опираясь на французские военные архивы XVII века, опи-

4. «Проказа отступает, и с ее уходом отпадает надобность в тех местах изоляции и том комплексе ритуалов, с помощью которых ее не столько старались одолеть, сколько удерживали на некоей сакральной дистанции, как объект своего рода поклонения навыворот. Но есть нечто, что переживает саму прокасу и сохраняется в неизменности даже в те времена, когда лепрозории будут пустовать уже не первый год, — это система значений и образов, связанных с персоной прокаженного; это смысл его исключения из социальной группы и та роль, которую играет в восприятии этой группы его навязчивая, пугающая фигура, отторгнутая от всех и непременно очерченная сакральным кругом» (Фуко М. История безумия в классическую эпоху / Пер. с фр. И. Стаф. СПб.: Университетская книга, 1997. С. 27).

сывает комплекс карантинных мер, принимаемых в случае угрозы эпидемии чумы: закрытие города, уничтожение бродячих животных, четкое разделение на кварталы, запрет для жителей на выход из дома под страхом смерти. Не доверяя «литературному вымыслу», благодаря которому чума как социальный феномен ассоциируется в культуре со всеобщей трансгрессией, «приостановкой законов, снятием запретов, безумством, смещением тел без различия, сбрасыванием масок»⁵ и прочим, Фуко изображает чумной город как «разбитое на квадраты, неподвижное, застывшее пространство», где «каждый индивид закреплен на своем месте»⁶. Семьи должны оставаться дома и ежедневно в назначенный час появляться в окнах своих домов в полном составе. Таким образом проверяющие сразу могут удостовериться, что никто не скрывает умерших или больных: «Каждый заперт в своей клетке, каждый — у своего окна, откликается на свое имя и показывается, когда этого требуют, — великий смотр живых и мертвых»⁷. Особое внимание уделяется поочередной дезинфекции помещений:

Всех обитателей заставляют выйти. В каждой комнате поднимают или подвешивают «мебель и утварь», комнату поливают ароматической жидкостью и, тщательно законопатив окна и двери и залив замочные скважины воском, поджигают ее. Пока она горит, дом остается запертым⁸.

В городе царит необыкновенный порядок. Четкое сегментирование противоположно исключению, предоставлявшему зараженных «собственной судьбе в массе, которую бесполезно дифференцировать»⁹.

Противопоставление двух моделей власти концептуально оформляется следующим образом:

Если верно, что проказа породила ритуалы исключения... то чума породила дисциплинарные схемы. Она вызывает не крупное бинарное разделение между двумя группами людей, а множественные подразделения, индивидуализирующие распределения, глубинную структуру надзора и контроля, интен-

5. Фуко М. Надзирать и наказывать: рождение тюрьмы / Пер. с фр. Вл. Наумова, под ред. И. Борисовой. М.: Ad Marginem, 1999. С. 289.

6. Там же. С. 286.

7. Там же. С. 287.

8. Там же. С. 288.

9. Там же. С. 290.

сификацию и разветвление власти. <...> Прокаженный — и его отделение; чума — и вместе с ней подразделения¹⁰.

Фуко подчеркивает, что за изгнанием прокаженного и домашним арестом больного чумой стоят разные политические мечты: «Первая — мечта о чистой общине, вторая — о дисциплинированном обществе»¹¹.

Однако представленные схемы не являются взаимоисключающими. Дальнейшее развитие механизмов управления обнаруживает новые оптимальные формы их сближения. В частности, по мысли Фуко, в XIX веке дисциплинарные техники начинают применяться «к пространству исключения, символический обитатель которого — прокаженный (а реальное население — нищие, бродяги, умалишенные, нарушители порядка)»¹². Так лепрозорий превращается в психиатрическую больницу. Дисциплинарная власть вторгается в ранее недифференцируемое пространство исключения и проводит тотальный переучет его жителей, не лишая их при этом статуса отверженных:

Обращаться с «прокаженными» как с «чумными», переносить детальную сегментацию дисциплины на расплывчатое пространство заключения... индивидуализировать исключенного, но при этом использовать процедуры индивидуализации для «клеймения» исключения, — вот что постоянно осуществлялось дисциплинарной властью с начала XIX века в психиатрической лечебнице, тюрьме, исправительном доме, заведении для несовершеннолетних правонарушителей и, до некоторой степени, в больнице¹³.

Если же говорить о современном обществе, то оно не нуждается в таких жестких дисциплинарных мерах: интериоризировав основные властные механизмы, человек теперь муштрует сам себя (эту тенденцию превращения дисциплины в самодисциплину и внешнего принуждения в моральный долг обозначил еще Ницше в «Генеалогии морали»).

Следует обратить внимание на слово «изоляция», которое Фуко в «Истории безумия» периодически использует в значении, синонимичном исключению: прокаженных изолируют от общества. Однако нельзя не заметить, что приходящие на смену ле-

10. Фуко М. Надзирать и наказывать. С. 290.

11. Там же.

12. Фуко М. Надзирать и наказывать. С. 291.

13. Там же.

прозориям или занимающие их места тюрьмы или дома умалишенных тоже представляют собой места изоляции, хотя и организируются уже не как хаотические пространства исключения, а как сегментированные дисциплинарные пространства. Больной лепрой изолирован в лепрозории, куда власть не кажет глаз, житель чумного города изолирован в своем доме, куда власть периодически заглядывает, чтобы удостовериться, что все на месте, а заключенный в образцовой тюрьме¹⁴ изолирован в своей камере, которая является объектом непрерывного наблюдения. Изоляция сохраняется во всех случаях как некий инвариант, матричный элемент взаимодействия болезни и власти независимо от режима ее отправления.

Фуко не увидел опосредованных цифровыми технологиями стратегий управления эпохи *COVID-19*. Для этой формы власти следовало бы придумать какое-то новое название, однако она определенно сохраняет, чередует или синтезирует предыдущие формы, уже описанные Фуко. Наиболее заметные в нашей ситуации дисциплинарные механизмы сочетаются с некоторыми процедурами исключения, с одной стороны, и практиками безопасности — с другой. В ряду дисциплинарных мер следует обозначить, прежде всего, карантин, обсерваторы, закрытие границ. Исключение проявляет себя, в частности, в ограничениях при захоронении людей, умерших от *COVID-19*, лишении родственников возможности воздать им последние почести в соответствии с традиционными ритуалами¹⁵. В отношении же безопасности, пока вакцина не разработана, огромное внимание уделяется профилактическим мерам, таким как ношение защитных масок и мытье рук (напоминания о необходимости которых становятся повсеместными). При этом очевидно, что изоляция выходит на первый план — и не просто изоляция, а самоизоляция: если в чумном городе «синдик собственноручно запирает дверь каждого дома снаружи, уносит ключи и передает их ин-

14. В частности, в паноптической тюрьме по проекту Иеремии Бентама, устройству которой Фуко посвящает соответствующую главу (*Фуко М. Надзирать и наказывать*. С. 292–306).

15. «Первый пункт, возможно, самый серьезный, касается тел погибших. Как мы могли согласиться с тем — лишь только во избежание неясного риска, — что наши близкие и люди в целом не только будут умирать в одиночестве и, чего никогда раньше не происходило в истории со времен Антигоны и вплоть до сегодняшнего дня, что их тела будут сожжены без церемонии похорон?» (*Агамбен Дж. Один вопрос // Центр политического анализа*. 15.04.2020. URL: <https://centerforpoliticsanalysis.ru/position/read/id/odin-vopros>).

тенданту квартала, который хранит их до окончания карантина»¹⁶, то во время пандемии COVID-19 людям предлагается добровольно запирается в своих квартирах изнутри, ограничивать любые телесные контакты и следить за соблюдением социальной дистанции. Самоизоляция переживается гражданами и как негативный опыт, и как позитивный, несущий новые возможности духовного развития¹⁷.

Важно отметить, что «ковидные» практики изоляции имеют ярко выраженный санитарно-гигиенический характер. Люди не только закрываются в помещениях, поддерживая связь с внешним миром через посредников-курьеров, но, прежде всего, пытаются защитить от внешней угрозы — реальной, воображаемой или символической — свои лица и тела. В ход идут защитные костюмы, медицинские маски, одноразовые перчатки, антисептические средства. Основное внимание сосредоточено не столько на контроле над телами со стороны власти, сколько на самостоятельно применяемых индивидами технологиях самозащиты, и прежде всего на рутинном выстраивании системы физических барьеров, которые должны препятствовать распространению вируса. Индивидуальная ответственность становится предметом рефлексии и дискуссии, чрезвычайно усложняя потребительский выбор. Поскольку вирус невидим, а его носителя в отсутствие выраженных симптомов и внешних проявлений нельзя однозначно идентифицировать, человек вынужден принимать множество ситуативных решений: стоит ли в той или иной ситуации надеть маску или перчатки, нужно ли встречать курьера в специальном защитном халате, как не допустить заражения вирусом через наличные деньги или банковские карты, как обеззаразить покупки, как избежать передачи инфекции через нажатие на дозатор флакона с дезинфектором? Чем более тщательно продумываются стратегии самоизоляции, тем вероятнее осознание того факта, что цепь барьеров не может быть сплошной, и при необходимом для поддержания жизнедеятельности контакте с внешним миром где-то обязательно откроется брешь.

16. Фуко М. Надзирать и наказывать. С. 285.

17. Интересный взгляд на самоизоляцию как ценный философский опыт одиночества предлагает Катрин Малабу: Малабу К. От карантина до карантина: Руссо, Робинзон Крузо и «Я» // Центр политического анализа. 01.04.2020. URL: <https://centerforpoliticsanalysis.ru/position/read/id/ot-karantina-do-karantina-russo-robinzon-kruzo-i-ja>.

Фрейд

Теперь, когда я приношу продукты из супермаркета, я складываю их в одном и том же углу квартиры, куда я редко захожу. Туда же я ставлю свою обувь, если я ненароком наступил на использованный пластырь или жвачку. Я тщательно мою руки. Я вытряхиваю из упаковок все, что можно, и откладываю в сторону, поскольку точно знаю, что эти предметы чистые. Затем я методично обрабатываю все остальные покупки дезинфицирующей жидкостью и складываю в другую сторону. Я снова мою руки и кладу покупки в шкаф или в холодильник¹⁸.

Так описывает свой повседневный опыт в период пандемии корреспондент ВВС, страдающий боязнью микробов, объясняя, что этот страх является проявлением диагностированного у него еще в подростковом возрасте обсессивно-компульсивного расстройства (ОКР). Главными проявлениями этого расстройства являются обсессии — навязчивые мысли, например страх заражения или загрязнения, — и компульсии — навязчивые ритуальные действия, например постоянное, доходящее до иступления мытье рук.

Фрейд называл это заболевание неврозом навязчивых состояний. В его работе «Заметки об одном случае невроза навязчивого состояния», опубликованной в 1909 году, подробно описывается психоаналитическое лечение страдавшего им пациента. Это один из самых знаменитых случаев из фрейдовской практики, вошедший в историю как «случай человека-крысы». Образованный молодой человек, вернувшийся с военной службы, обратился к Фрейду с жалобами на навязчивые идеи, в частности на «опасения за судьбу двух дорогих ему людей — отца и дамы сердца», а также «навязчивые импульсы, например желание перерезать себе горло бритвой во время бритья» и выдуманные им же самим для себя запреты, «которые касаются даже всяких пустяков»¹⁹.

Как обычно у Фрейда, за этим описанием следует увлекательное повествование, подобно детективному расследованию, распутывающее клубок сложных психических связей и болезненных симптомов. Одна за другой обнаруживаются любопытные дета-

18. Гоффин П. Коронавирус и мизофобия. Каково во время пандемии людям с боязнью микробов // Русская служба ВВС. 17.05.2020. URL: <https://www.bbc.com/russian/features-52641528>.

19. Фрейд З. Заметки об одном случае невроза навязчивого состояния // Собр. соч.: В 26 т. СПб.: Восточно-Европейский институт психоанализа, 2007. Т. 4. Навязчивые состояния. Человек-крыса. Человек-волк. С. 22.

ли, например такая: пациент боится, что какие-то его действия или мысли приведут к смерти его отца, но довольно скоро выясняется, что на самом деле отец умер несколько лет назад. Далее Фрейд начинает раскручивать схему отношений идентификации и любви-ненависти пациента со своим отцом, в которой главная роль принадлежит детской сексуальности. Первый эпизод, на который Фрейд указывает как на причину заболевания, относится ко взрослой жизни пациента: по настоянию родителей отец в свое время женился на девушке из богатой семьи, хотя был влюблен в бедную, и когда, уже после смерти отца, мать наметнула ему на некие семейные планы, связанные с его собственной женитьбой, пациент, также влюбленный в бедную девушку, спасается от внутреннего конфликта «между любовью и зависимостью от воли покойного отца» посредством ухода в болезнь. Благодаря идентификации с отцом происходит «регрессия аффектов на уровень переживаний, которые были наследием его детства»²⁰.

Психоанализ Фрейда — это не только детективное расследование, но и археологические раскопки. Под более поздними слоями обнаруживаются более ранние. Анализ продвигается от взрослых к юношеским и детским эпизодам. Приведу наиболее примечательный из них, пересказанный по словам матери:

Когда он был еще совсем маленьким... отец отлупил его за какую-то провинность. Малыш пришел в страшную ярость и прямо во время порки стал поносить отца. Но поскольку бранных слов он тогда еще не знал, он просто обзывал его разными словами, которые приходили ему на ум: «Ах ты, лампа! Полотенце! Тарелка!» и т. д.²¹

Пораженный этой сценой, отец больше ни разу не бил ребенка; у мальчика же после нее произошли изменения в характере: «он стал вести себя как трус... боялся порки, и, когда били кого-нибудь из его братьев и сестер, он прятался от отца, охваченный страхом и негодованием»²². В этом же месте Фрейд упоминает, что, по сообщению матери, мальчику в этот момент было три или четыре года, «и наказали его за то, что он кого-то укусил»²³.

Анализ приводит Фрейда к выводу, согласно которому за любовь к отцу, за жизнь которого пациент так боится даже по-

20. Фрейд З. Заметки об одном случае невроза навязчивого состояния. С. 54.

21. Там же. С. 59.

22. Там же.

23. Там же. С. 60.

сле его смерти, прячется ненависть. Мертвый-живой отец стоит перед мальчиком как помеха для реализации его сексуальных влечений. Страх выдает истину желания: мальчик-крыса, наказанный за то, что укусил, желает смерти своему покойному отцу. Ключом к разгадке этого бессознательного желания, замаскированного под неоправданное беспокойство за жизнь отца, служит фантазия, преследующая пациента после того, как некий капитан на военных сборах шокирует его рассказом о восточной пытке, в ходе которой в задний проход связанного человека вгрызаются крысы²⁴. Фрейд анализирует ассоциативный ряд, в котором крысы играют немаловажную роль, как бы оказываясь связующим звеном между разными частями личности пациента, между его настоящим и прошлым, ненавистью и любовью. «Крысы стали для него многозначным символом, который постоянно приобретал дополнительные смысловые оттенки»²⁵. В списке, который составляет по этому поводу Фрейд, наличествуют крысы-деньги (грязные гульдены, долги и платежи), крыса-пенис (анальный эротизм), крысы — переносчики опасных инфекций (боязнь заразиться сифилисом), а также крысы-дети, к которым, как выясняется, пациент относит и себя.

В интересующем меня контексте последняя ассоциация — крысы-дети — является главной. Моя гипотеза заключается в том, что Фрейд обнаруживает очень важное глубинное измерение, но не погружается в него, переводя фокус своего исследования на сексуальность и семейные отношения. На пути анализа человека-крысы есть некий люк, прикрытый фиговым листом буржуазной семейной драмы, нечто вроде кроличьей норы из «Алисы в Стране чудес» Кэрролла, в которую можно провалиться. Крысиная нора. Попадание в нее похоже на обморок времени: в реальности крысиной норы настоящее и прошлое совпадают; там отец может быть еще жив, мы еще можем предотвратить его желаемую смерть, как и наше умопомешательство. В крысиной норе, как в могиле времени, замурованы некие скрытые возможности. Приведу целиком цитату, которая приоткрывает вход в эту крысиную нору:

Однажды на кладбище он заметил, как по могиле отца прошмыгнула какая-то большая тварь, которую он принял за крысу. В тот момент он подумал, что она вылезла из могилы отца,

24. Фрейд З. Заметки об одном случае невроза навязчивого состояния. С. 28–29.

25. Там же. С. 65.

где глодала его труп. Образ крысы неразрывно связан для него с представлением о том, что крыса грызет и кусается острыми зубами; но за свою способность кусаться, за свою прожорливость и нечистоплотность крысам приходится расплачиваться, ведь люди жестоко их травят и безжалостно истребляют, и он не раз с ужасом наблюдал подобные сцены. Часто он испытывал жалость к этим бедным крысам. В конце концов, он и сам когда-то был таким же гадким маленьким замарашкой, он и сам когда-то кусался в порыве ярости, за что его жестоко наказывали. Крыса и впрямь могла поразить его «полным сходством» с ним самим²⁶.

В примечании Фрейд указал, что на самом деле это была не крыса, а хорек («они во множестве водятся на центральном кладбище в Вене»²⁷). Фрейд приводит это чрезвычайно богатое аллюзиями воспоминание лишь затем, чтобы через детскую сексуальность связать его с первоначальной фантазией о пытке крысами: мальчик-крыса находит бессознательную реализацию своих фантазий в сладострастной ярости по отношению к отцу. Я же хочу остановиться на нем подробнее, обратив внимание на контраст между воображаемой пыткой крысами и реальной пыткой крыс: сценами жестокой травли и безжалостного истребления, которые *не раз, с ужасом* наблюдал мальчик²⁸.

Сцена на могиле отца связывает два сюжета: не является ли хорек из могилы одной из *тех самых* крыс? Тех самых, что вгрызаются в отца, но и тех самых, которых какие-то люди травили и истребляли с жестокостью ничуть не меньшей, чем самого мальчика наказывал отец за то, что он укусил? Это первый крысиный круг — замкнутый круг насилия, в которое пойманы ребенок и животное, не умеющие ответить или умеющие, но толь-

26. Фрейд З. Заметки об одном случае невроза навязчивого состояния. С. 67–68.

27. Там же.

28. В этом месте читатель может испытать культурный шок, подобный тому, о котором Фрейд предупреждает, формулируя свою гипотезу о первосцене в анализе человека-волка: в порядке ли вещей такие ситуации, когда маленький ребенок наблюдает за совокуплением родителей? (*Он же*. Из истории одного инфантильного невроза // Собр. соч.: В 26 т. Т. 4. С. 127–129). Что если жестокое обращение с животными, свидетелем которого становится человек-крыса, тоже своего рода первосцена? Что первично в первосцене — сексуальность или жестокое обращение с другим существом? (О доминировании в первичной сцене на примере анализа случая человека-волка см.: *Костылева Е.* Философские аспекты первичной сцены в психоанализе. Магистерская дисс. ЕУСПб, 2020.)

ко так: «Лампа! Полотенце! Тарелка!» Второй крысиный круг еще менее очевиден и более глубок: отец, с которым я себя отождествляю, — такая же крыса, как и я сам. На могиле происходит встреча не просто с крысой-хорьком, а с призраком отца. Крыса связывает прошлое и настоящее, на дне крысиной норы всегда живой отец, объект любви, за жизнь которого человек-крыса испытывает страх. Это круг любви, который глубже, чем круг насилия и ненависти, круг тождества, в котором живой и мертвый, человек и животное, сын и отец находятся в состоянии смешения. Через какие пытки должны пройти крысы-дети, среди которых — я сам, чтобы превратиться в источник заразы, в грязные деньги, в грязные члены, в вину, которую человек будет пытаться смыть с себя, как микробы с рук?

Случай человека-крысы — одна из трех историй, в которых Фрейд, по сути, совершает один и тот же жест смещения акцента в анализе бессознательного материала с животного на детскую сексуальность и Эдипов треугольник. Другие два — случай маленького Ганса, страдавшего боязнью лошадей, и случай человека-волка. Во всех трех случаях перед нами маленький мальчик и животное или множество животных, реальная или воображаемая встреча с которыми лежит в основании истории болезни: психоза в случае человека-волка, невроза навязчивости в случае человека-крысы и фобии в случае маленького Ганса. На это смещение с животности на эдипальность в свое время обратили внимание Жиль Делёз и Феликс Гваттари, подвергнув за него Фрейда основательной критике²⁹. Обращаясь к анализу случая человека-волка, Делёз и Гваттари обвиняют Фрейда в редукционизме. В их интерпретации за сновидением мальчика, в котором на ореховом дереве неподвижно сидят пристально глядящие на него волки, стоит не страх кастрирующего отца, а самый настоящий зов волчьей стаи, в которую мальчика приглашает вернуться его множественное, животное бессознательное. В целом соглашаясь с этой критикой, я допускаю, что указанное смещение имеет место во всех трех случаях, однако радикализма, с которым Делёз и Гваттари предлагают отбросить Фрейда и фрейдизм как буржуазный пережиток, не разделяю³⁰. Да, Фрейд как будто бы не слышит волчьего зова

29. Делёз Ж., Гваттари Ф. Тысяча плато: Капитализм и шизофрения / Пер. с фр. Я. Свицкого. Екатеринбург; М.: У-Фактория; Астрель, 2010. С. 49–52.

30. См. мою интерпретацию случая человека-волка: Тимофеева О. «Мы» и «они»: сообщество после гуманизма // Вопросы философии. 2016. № 6. С. 57–65. URL: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=1413.

и не видит крысиной боли, от него ускользает призрачная детская солидарность с животными, которая в череде последующих событий при активном участии сексуальности превращается в невроз, психоз или фобию. Животные — слепое пятно Фрейда. Однако именно благодаря его археологическим раскопкам внутри анализа как будто случайно приоткрывается то, для чего мне пока удалось придумать только условное название: крысиная нора.

Чтобы объяснить, каким образом она возникает, я предлагаю обратиться к одному важному теоретическому соображению Фрейда по поводу клинической картины невроза навязчивости. В «Заметках» Фрейд указывает на существование двух разных механизмов вытеснения, которые задействуются психикой при формировании болезни из некоторого травматического события — амнезии, характерной для истерии, и изоляции при неврозе навязчивости:

При истерии события, послужившие непосредственным поводом для заболевания, как правило, забываются точно так же, как и детские переживания, за счет которых энергия аффекта, вызванного такими событиями, преобразуется в симптомы. <...> Такая амнезия и является признаком произведенного вытеснения. При неврозе навязчивого состояния, как правило, все происходит иначе. Детские переживания, которые явились предпосылкой для развития невроза, еще могут забыться, хотя зачастую амнезия не бывает полной; что же касается событий, которые послужили непосредственным поводом для заболевания, то они сохраняются в памяти. Тут действует другой, по сути более простой механизм вытеснения; сама травма не забывается, но воспоминание о ней лишается эмоционального заряда, и в сознании сохраняется лишь нейтральное представление, которое кажется неважным³¹.

В качестве иллюстрации второго механизма Фрейд приводит случай с другим своим пациентом — чиновником, всегда расплачивавшимся за сеанс чистыми, гладкими гульденами, которые, как оказалось, разглаживал перед этим дома утюгом. По словам самого пациента, «совесть не позволяет ему вручать другому человеку грязные банкноты, поскольку к ним пристают опасные бактерии...»³² Он же затем рассказал о том, что время от времени, втираясь в доверие к родителям, соблазнял юных девушек и ласкал их гениталии пальцами. Фрейд отмечает:

31. Фрейд З. Заметки об одном случае невроза навязчивого состояния. С. 51–52.

32. Там же. С. 53.

Контраст между его деликатным обращением с бумажными гильденами и той бесцеремонностью, с которой он растлевал доверенных ему девочек, я мог объяснить лишь смещением чувства вины³³.

Не желая отказываться от своего тайного удовольствия, вместо гениталий от пристающих к ним опасных микробов пациент отмывает деньги³⁴. Действительно же грязное событие совращения в его представлении оказывается незначительным, нейтральным³⁵.

Между эпидемией и неврозом навязчивости

Поводом для написания этой статьи послужила обнаруженная мной не вполне очевидная структурная гомология между двумя типами вытеснения по Фрейду и двумя стратегиями власти по Фуко. В некотором смысле исключение прокаженных можно соотнести с амнезией, забвением, в котором растворяется травматическое событие, как будто выброшенное за границы истерического сознания. Подобно прокаженному у Фуко, забытое растворяется в недифференцируемой массе, в лепрозориях души. Изоляция же в психоаналитическом смысле ближе скорее к дисциплинарной модели чумного города: источник болезни не исключается, но изолируется внутри сознания, запирается, подвергаясь эмоциональной нейтрализации, которую можно сравнить с дезинфекцией помещений в чумном или «ковидном» городе. Воспоминание о травматическом событии — источнике заболевания — имеется, но связи, организующие этот опыт в нашей психической реальности, блокированы. Отмечу при этом, что, в отличие от источника проказы или чумы, источник душевной болезни локализован не в пространстве, а во времени. Таким образом, *сознание больного при психических заболеваниях делает со вре-*

33. Фрейд З. Заметки об одном случае невроза навязчивого состояния. С. 53.

34. Между прочим, приведенный случай любопытен еще и тем, что показывает, насколько различны две перспективы. В случае истерии, по Фрейду, часто связанной с травмой соблазнения или изнасилования, мы увидели бы эту историю с другой стороны — не со стороны мерзкого господина, который изолирует свое наслаждение, а со стороны девушки, которая может защититься от этой сцены, только позабыв ее.

35. «Разрыв причинно-следственных связей приводит к отщеплению аффекта, в результате чего воспоминания лишаются эмоционального содержания» (Куликов А. Когда утрачиваются различия между мыслью и действием // Фрейд З. Собр. соч.: В 26 т. Т. 4. С. 11).

менем примерно то же самое, что власть при эпидемиях делает с пространством.

Изоляция — один из главных механизмов ОКР. Как отмечает Фрейд в более поздней работе «Торможение, симптом, страх» (1926), характерная для этого невроза боязнь заражения связана с табу на прикосновения. Прикосновение амбивалентно: оно может быть как любовным, эротическим, нежным, так и агрессивным, разрушительным. Боль может смешиваться с наслаждением, ненависть с любовью. Зоны их неразличимости находятся в ведении сексуальности. Чтобы защитить себя, невротик ставит прикосновение в центр своей запретительной системы, которая принимает форму избыточной защиты — например, от микробов и прочих внешних раздражителей. Аналогичную операцию проделывает психический аппарат, изолируя событие или поступок от ассоциативных связей и таким образом как бы запрещая мыслям касаться друг друга³⁶. «Лампа! Полотенце! Тарелка!» — это заклинание, изобретение табу. Чтобы защититься от побоев отца, мальчик прочерчивает вокруг себя сакральный крысиный круг. Однажды нас ударили — или, может быть, не нас, но мы видели, как бьют других, безжалостно, как крыс — и теперь мы моем и моем руки.

Направивается вывод о том, что самоизоляция, практикуемая людьми в эпоху COVID-19, превращает ОКР из индивидуального симптома в коллективный, то есть само-обсессивно-конвульсивное расстройство, одним из проявлений которого является боязнь заразиться, обнаруживает контагиозный характер (не в физическом, конечно, но в социальном смысле). Однако этот вывод слишком поверхностный. Точнее было бы сказать, что *действием COVID-19 в пространстве соответствует психическая реальность, формируемая временной структурой ОКР*. Это значит, что у COVID-19, вероятно, есть своя крысиная нора, которую мы как некий гибрид дисциплинарной власти и коллективного больного сознания пытаемся заблокировать с помощью защитных костюмов и дезинфицирующих средств.

Если современная психотерапия ОКР направлена главным образом на коррекцию, в том числе фармакологическую, симптомов заболевания, то задачей фрейдовского психоанализа является поиск его причины. Формируемые психикой больного защитные механизмы — в частности, изоляция при неврозе навязчивости — затрудняют этот поиск, так как произведенные ей разрывы при-

36. Фрейд З. Торможение, симптом, страх // Собр. соч.: В 10 т. М.: СТД, 2006. Т. 6. Истерия и страх. С. 265–266.

чинно-следственных связей препятствуют движению свободных ассоциаций. Археологический метод Фрейда направлен на высвобождение заблокированных ассоциаций, и здесь ему на помощь приходят крысы. Крыса у Фрейда — это медиатор. Она прогрызла стены, в которые пациент пытался замуровать свое желание, прорвалась через санитарный кордон смещенных аффектов. Крысиная нора — это брешь, прорыв в запретительных ограждениях, взлом дисциплинарного блока.

Крысы связывают между собой две машины — машину эпидемии, описанную Фуко, и машину психической болезни, описанную Фрейдом. Прерывая режим изоляции, они обеспечивают связь, с одной стороны, между миром здоровых и миром больных (например, разносят чуму, чтобы растворить первый во втором), а с другой — между симптомом и причиной душевной болезни (соединяют разрозненные сюжеты крысиными тропами). Крысиный троп удерживает амбивалентность. В рамках традиционного культурного и властного нарратива крысы — злое и грязное, несущие болезни и смерть. Их уничтожение — необходимая мера санитарного регулирования городских пространств. Но иногда в этом нарративе что-то как будто ломается, образуются отверстия, норы, через которые просачиваются вирусы свободных ассоциаций, создавая условия для заражения, смешения, отождествления, сочувствия или солидарности с этими незащитными существами.

В фильме Вернера Херцога «Носферату — признак ночи» (1979) крысы — вместе со своим повелителем графом Дракулой — несут чуму из Трансильвании на корабле, куда они попадают в закрытых гробах. Корабль прибывает в Германию уже без людей: все погибли или исчезли, но полчища крыс выбирают на берег и заполняют город. По сюжету крысы здесь главные посредники зла, которые должны вселять ужас. Однако, поскольку в реальности для съемки использовались вовсе не дикие и тем более не чумные, а ручные, лабораторные крысы, внимательный зритель может заметить, что в кадре с ними что-то не то: вместо ужасных полчищ мы видим множество напуганных, сгрудившихся, карабкающихся друг на друга животных. Зрелище рождает совсем не такой эффект, какой оно, вероятно, должно было производить в соответствии с замыслом режиссера. Как отмечает Александр Погребняк, у которого я позаимствовала этот пример³⁷, крысы у Херцога вы-

37. См. выступление Александра Погребняка на конференции «Катастрофа и утопия», которая проводилась Центром практической философии «Статис» Европейского университета в Санкт-Петербурге 15 июня 2020 года.

падают из предписанной им роли; их «не-игра» имеет что-то общее со сценой из фильма Бергмана «Лето с Моникой»: главная героиня вдруг смотрит не на партнера, а в объектив камеры, обращаясь напрямую к зрителю. В этой сцене, по мысли Андрея Шенталья, образ «дает увидеть себя вместо того, чтобы исчезнуть в том, что он делает видимым»³⁸.

Замешкавшиеся, растерянные крысы дают увидеть себя вместо того, чтобы исчезнуть в истории о чуме. Животные перестают обслуживать традиционный крысиный троп, встроенный в чумной нарратив, и зовут нас в свою альтернативную историю, действительно жуткую. По свидетельству голландского биолога Мартена Харта, который был привлечен к созданию фильма, но позже об этом пожалел, крысы для съемок «Носферату» были импортированы из питомника в Венгрии; условия транспортировки в Нидерланды, где снимался фильм, были настолько тяжелыми, что по прибытии они начали есть друг друга. Более того, крысы были белыми, а по сюжету должны были быть серыми; режиссер настоял на том, чтобы перекрасить их; для этого клетки с крысами погружали в кипящую воду. Половина животных погибла³⁹. Херцог хотел показать своего рода пытку крысами (несущими чуму), но показал в итоге пытку крыс. Вернее, не саму пытку, но тот стихийный внесюжетный разлом, в котором возможно идентифицировать ее следы.

Повторим, изоляция при ОКР — это смещение чувства вины: наши эмоции были подвергнуты дезинфекции; глядя на крыс, мы должны думать о заразе и не забывать мыть руки. Иначе провалимся в нору невыносимого сочувствия, отождествления. Мы прячемся в бредовую картину невроза с вампирами и чумой от какой-то другой, более сильной и очень контагиозной боли. Похожим образом мы защищаемся от прикосновений, в том числе любовных, потому что они могут причинить боль нам или другим, которые нас заразят.

В XIX веке ОКР называли *la folie du doute*, безумием сомнения. Не случайно Фуко рассуждает о методе сомнения Декарта в контексте исключения безумия в классическую эпоху, когда бывшие лепрозории становятся психиатрическими больницами⁴⁰: можно сказать, что Декарт самоизолируется в сомнении, пытаюсь органи-

38. Шенталь А. Различие и повторение: Дж. Агамбен о фильмах Ги Дебора // Теории и практики. 24.07.2014. URL: <https://theoryandpractice.ru/posts/9341-giorgio-agamben-on-guy-debord>.

39. Hart M. Rats // Granta. 01.07.2004. URL: <https://granta.com/rats>.

40. Фуко М. История безумия в классическую эпоху. С. 63–65.

зовать вокруг мыслящей субстанции стерильное пространство интеллектуального опыта. Сомнение тоже своего рода дезинфекция. Необходим такой уровень организации порядка мысли, при котором любая возможность вторжения непроверенных, несущих хаос элементов была бы исключена. Порядок организации чувственности при неврозе навязчивости базируется на сходных принципах: мы сомневаемся в безобидности любых касаний и мобилизуем все внутренние ресурсы на выстраивание как физических барьеров, так и психологических границ, на соблюдение социальной дистанции.

В комментарии к «Заметкам» Фрейда Нина Савченкова рассказывает о сущностной связи между неврозом навязчивости и картезианским сомнением:

Декарт, убежденный в неразделимости познания и страсти, сомневался в существовании внешнего мира, самого себя, Бога. Фрейд говорит, это — сомнение в любви. И тогда происходящее — уже не интеллектуальный эксперимент, но осознание ущербности существования, где речь идет об утрате аффективной реальности, реальности переживания⁴¹.

Я считаю, что критика картезианской рациональности с психоаналитических позиций актуальна в той мере, в какой она отражает логику развития капиталистической модели организации общественных отношений: изоляция и в пространственно-эпидемиологическом, и во временно-психическом смысле, конечно, перекликается с отчуждением по Марксу, имеющим не только экономическое измерение (отчуждение труда), но и социально-психологическое (отчуждение человека, одиночество). Не случайно невроз навязчивости идет рука об руку с другим характерным для эпохи капитализма расстройством — депрессией, представляющей собой «невозможность любви»⁴².

Крысиная нора: опыт литературы

Можно было бы спросить, подлежит ли восстановлению то, что Савченкова называет утраченной реальностью переживания? Од-

41. Савченкова Н. О разуме, утратившем целесообразность, параличе воли и порнографии // Фрейд З. Собр. соч.: В 26 т. Т. 4. С. 281.

42. Han B.-C. The Agony of Eros. Cambridge, MA: MIT Press, 2017. P. 4. См. также мои заметки о депрессии в связи с отчуждением: Тимофеева О. Депрессия, или мир клинических треугольников // Сигма. 19.08.2019. URL: <https://syg.ma/@oksana-timofieeva/diepriessia-ili-mir-klinichieskikh-trieugholnikov>.

нако для такой постановки вопроса следовало бы признать, что утраченное когда-либо имело место. Мне здесь ближе гегелевская идея ретроактивности: не разделяя предположения об аутентичности, реальности некоего опыта, предшествующей осознанию его утраты, я полагаю возможность его актуализации задним числом, то есть восстановления — или, скорее, переизобретения — опыта любви или дружбы, которого не было. Эта возможность есть везде и всегда, даже если кажется, что ее нет, что наши границы непроницаемо стерильны. В частности, она присутствует в литературе, но, чтобы ей воспользоваться, нужно идти против господствующего нарратива, солидаризироваться с тем, чему в нем была уготована негативная роль — страшного, плохого, грязного, заразного или злого. Я приведу здесь два примера из российской литературы, в которых этот рискованный шаг наделяет произведение невероятной силой, а дружба, достоинство, солидарность, близость возникают там, где их совсем не ждали, — в пространствах насилия и боли.

Первый пример — «Изнанка крысы» Романа Михайлова, текст, в создании которого автор делает своим союзником болезнь — как инфекционную, так и психическую. В пронзительной сцене с крысой происходит переключение аффективных регистров:

Вы сидите на банкете в азиатском ресторане [возможно, вы в Китае или Камбодже], за круглым крутящимся столом, по которому расставлены блюда. Хозяин ресторана приготовил нечто особенное, деликатес — зажаренных в масле крыс. Крышка начинает трястись, оказывается, одна из крыс не зажарилась и вообще не умерла. Она выскакивает из блюда и бежит по столу. Вы догоняете ее вилкой, пронзаете ее плоть, как трезубцем, под звуки общего смеха и одобрения. Смотрите на нее и узнаете «тетушку мышь» в чепчике и ночнушке с обложки вашей детской книги. Тетушка мышь вам рассказывала сказки, под которые вы засыпали. И теперь перед вами стоит страшный выбор: либо сделать вид, что ничего особенного не произошло, положить вашего старого друга себе в тарелку, либо слезно покаяться перед тетушкой мышью, сказать, что ее сказки для вас важнее того, что происходит вовне⁴³.

Открывая шлюзы свободных ассоциаций навстречу контагиозному опыту, крыса увлекает нас в сказку, в детство, в параллельную сновидную реальность, которую автор называет галлюци-

43. Михайлов Р. Изнанка крысы. СПб.: Все свободны, 2018. С. 31.

нацией, а я крысиной норой. Животное сводит воедино две, казалось бы, совершенно разные серии — невроза навязчивости и проказы: Михайлов пишет именно о проказе, а не о предписанной для крысы по сюжету чуме. Это смещение позволяет вывести из связи между фукианской историей превращения лепрозориев в психиатрические клиники и фрейдовским анализом невроза навязчивости очень нетривиальную задачу «освобождения человека-крысы из психиатрической больницы, растекшейся по сознанию»⁴⁴. Вдохновленный антипсихиатрическими практиками Делёза и Гваттари, Михайлов пишет о возможности «построить забавные спекуляции об обратном превращении лечебниц в лепрозории — антифуко»⁴⁵ и ассоциирует распространение проказы с кружевом письма, глубоким погружением в лабиринт душевной жизни. Что такое обратное превращение лечебниц в лепрозории? Это прорыв дисциплинарного кордона, опасное смешение, антисанитария касаний.

Другой пример радикального воссоздания аффективного опыта — очень короткий рассказ Варлама Шаламова «Прокаженные», написанный в 1963 году. Шаламов описывает послевоенную вспышку лепры в Советском Союзе, случившуюся из-за того, что во время войны лепрозории были сломаны и прокаженные смешивались с населением, часто выдавая себя за увечных и раненых. Один такой человек — Федоренко — с характерными для лепры обрубками вместо пальцев сначала работал заведующим складом, выдавая себя за инвалида войны, затем был осужден по бытовой статье и направлен на Колыму, где поменял свой диагноз на обморожение и после долгого и безуспешного лечения в лагерной больнице стал работать в ней же санитаром хирургического отделения, пока врач Красинский во время осмотра не заподозрил неладное:

Осматривая Федоренко, Красинский был поражен чем-то — он и сам не знал чем. Со студенческих лет поднималась эта тревога. Нет, это не трофическая язва, не обрубок от взрыва, от топора. Это медленно разрушающаяся ткань. Сердце Красинского застучало. Он вызвал Федоренко еще раз и потащил его к окну, к свету, жадно вглядываясь в лицо, сам себе не веря. Это — лепра! Это — львиная маска. Человеческое лицо, похожее на морду льва. Красинский лихорадочно листал учебники. Взял большую иглу и несколько раз уколол белое пятнышко, которых было немало на коже Федоренко. Никакой боли! Обливаясь потом,

44. Михайлов Р. Изнанка крысы. С. 157.

45. Там же. С. 33.

Красинский написал рапорт по начальству. Больной Федоренко был изолирован в отдельную палату, кусочки кожи для биопсии были отправлены в центр, в Магадан, а оттуда — в Москву. Ответ пришел недели через две. Лепра! <...> Начальство переписывалось с начальством о выписке наряда в Колымский лепрозорий⁴⁶.

Пока ждали наряда для отправки больного в лепрозорий, проверили всех, кто был в больнице. Лепра обнаружилась только у одной медсестры — Лещинской. Ее и Федоренко сначала изолировали в отдельных палатах, а затем, для экономии места в больнице, перевели в подвал, отгородив в нем две маленькие камеры. Далее случилось нечто неожиданное:

Сутки прожили в своих камерах Федоренко и Лещинская, а через сутки смена часовых нашла камеры пустыми. В больнице началась паника. Все в камерах было на месте, окна и двери. Красинский догадался первый. Они ушли через пол. Силач Федоренко разобрал бревна, вышел в коридор, ограбил хлебозерку, операционную хирургического отделения и, собрав весь спирт, все настойки из шкафчика, все «кодеинчики», уволок добычу в подземную нору. Прокаженные выбрали место, выгородили ложе, набросали на него одеял, матрасов, загородились бревнами от мира, конвоя, больницы, лепрозория и прожили вместе, как муж и жена, несколько дней, три дня, кажется. На третий день и сыскные люди, и сыскные собаки охраны нашли прокаженных. Я тоже шел в этой группе, чуть [согнувшись], по высокому подвалу больницы. Фундамент там был очень высокий. Разобрали бревна. В глубине, не вставая, лежали обнаженные оба прокаженных. Изуродованные темные руки Федоренко обнимали белое блестящее тело Лещинской. Оба были пьяны⁴⁷.

Больных накрыли одеялами и поместили в одну из камер, а затем отправили в лепрозорий — но уже не вдвоем, а вместе с третьим человеком, заключенным Корольковым, который накрывал и круглосуточно дежурил рядом с ними все оставшееся время. «Больше я ничего никогда не слышал ни о Королькове, ни о Федоренко, ни о Лещинской», — пишет Шаламов⁴⁸.

Война приводит к смешению здоровых и больных, но, когда прокаженный попадает в дисциплинарное пространство лагеря (пространство заключения), рано или поздно срабатывают меха-

46. Шаламов В. Прокаженные // Варлам Шаламов. URL: <https://shalamov.ru/library/3/3.html>.

47. Там же.

48. Там же.

низмы идентификации, и система выталкивает его обратно в недифференцированное пространство лепрозория (пространство исключения). Шаламов описывает, как внутри ГУЛАГа устроена граница между этими двумя зонами: лепрозорий расположен на острове, «а на обоих берегах стоят наведенные на переправу пулеметы»⁴⁹. Пересечение этой границы в направлении лепрозория означает, что заключенные становятся исключенными, изгоняются в зону смешения за пределами тюремного порядка, стираются из списков дисциплинарной власти. Этот критический момент сопровождается вспышкой отчаянной и незаконной любви, неотличимой от заражения. Любовь находит себе место на дне подземной норы, нарушающей целостность лагерного пространства. Проводником ее становится лепра — которой, как пишет Шаламов, боялись на Колыме даже те, кого вообще, казалось бы, ничто уже не могло напугать,

... те, которых избивали на допросах и чья душа была превращена в прах тысячами допросов, а тело изломано, измучено непосильной работой — со сроками двадцать пять и пять — сроками, которые нельзя было прожить, выжить, остаться в живых...⁵⁰

Перемещение из лепрозория в тюрьму и обратно из тюрьмы в лепрозорий — это не симметричные движения. В лагерь Федоренко попадает один, а в лепрозорий оттуда утаскивает за собой еще двоих: заражение происходит при нарушении режима изоляции. Намечается следующая параллель: у Михайлова речь идет о возвращении в лепрозорий из психиатрической лечебницы, а у Шаламова — из тюрьмы. В обоих случаях мы имеем дело с тем, что Михайлов называет «антифуко», но также и с тем, что можно было бы назвать «антифрейдом». «Анти-» здесь действие, направленное не против Фуко или Фрейда, но против тех процессов исключения, подавления и вытеснения, которые они описывают: против режимов изоляции. Если археология Фуко исследует стратегии власти и производства знания о телах, то литература — не любая, но такая, которая работает с негативным опытом границ человеческого — высвобождает души: перед нами уже не подопытные объекты, но субъекты опыта со своими сложными чувственными траекториями, люди-крысы, уходящие через пол, выходящие за линию отчуждения.

49. Шаламов В. Прокаженные.

50. Там же.

Библиография

- Агамбен Дж. Изобретение эпидемии // Центр политического анализа. 12.03.2020. URL: <http://centerforpoliticsanalysis.ru/position/read/id/izobretenie-epidemii>.
- Агамбен Дж. Медицина как религия // Центр политического анализа. 06.05.2020. URL: <http://centerforpoliticsanalysis.ru/position/read/id/meditsina-kak-religija>.
- Агамбен Дж. Один вопрос // Центр политического анализа. 15.04.2020. URL: <http://centerforpoliticsanalysis.ru/position/read/id/odin-vopros>.
- ВОЗ объявила о начале пандемии COVID-19 // Всемирная организация здравоохранения. Европейское региональное бюро. 12.03.2020. URL: <http://euro.who.int/ru/health-topics/health-emergencies/coronavirus-covid-19/news/news/2020/3/who-announces-covid-19-outbreak-a-pandemic>.
- Гоффин П. Коронавирус и мизофобия. Каково во время пандемии людям с боязнью микробов // Русская служба BBC. 17.05.2020. URL: <http://bbc.com/russian/features-52641528>.
- Делёз Ж., Гваттари Ф. Тысяча плато: Капитализм и шизофрения. Екатеринбург; М.: У-Фактория, Астрель, 2010.
- Костылева Е. Философские аспекты первичной сцены в психоанализе. Магистерская дисс. ЕУСПб, 2020.
- Куликов А. Когда утрачиваются различия между мыслью и действием [Предисловие] // Фрейд З. Собр. соч.: В 26 т. СПб.: Восточно-Европейский институт психоанализа, 2007. Т. 4.
- Малабу К. От карантина до карантина: Руссо, Робинзон Крузо и «Я» // Центр политического анализа. 01.04.2020. URL: <http://centerforpoliticsanalysis.ru/position/read/id/ot-karantina-do-karantina-russo-robinzon-kruzo-i-ja>.
- Михайлов Р. Изнанка крысы. СПб.: Все свободны, 2018.
- Пресьядо П. Биополитика в фармакопорнографическую эпоху // Центр политического анализа. 27.05.2020. URL: <http://centerforpoliticsanalysis.ru/position/read/id/biopolitika-v-farmakopornograficheskiju-epohu>.
- Пресьядо П. Мягкая тюрьма: добро пожаловать в домашнюю теле-республику // Центр политического анализа. 07.06.2020. URL: <http://centerforpoliticsanalysis.ru/position/read/id/mjagkaja-tjurma-dobro-pozhalovat-v-domashnjuju-tele-respubliku>.
- Савченкова Н. О разуме, утратившем целесообразность, параличе воли и порнографии // Фрейд З. Собр. соч.: В 26 т. СПб.: Восточно-Европейский институт психоанализа, 2007. Т. 4.
- Сотириус П. Против Агамбена: возможна ли демократическая биополитика // Центр политического анализа. 22.03.2020. URL: <http://centerforpoliticsanalysis.ru/position/read/id/protiv-agambena-vozmozhna-li-demokraticeskaja-biopolitika>.
- Тимофеева О. «Мы» и «они»: сообщество после гуманизма // Вопросы философии. 2016. № 6. С. 57–65. URL: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=1413.
- Тимофеева О. Депрессия, или мир клинических треугольников // Сигма. 19.08.2019. URL: <http://syg.ma/@okšana-timofeieva/diepriessia-ili-mir-klinichieskikh-trieugholnikov>.
- Фрейд З. Заметки об одном случае невроза навязчивого состояния // Собр. соч.: В 26 т. СПб.: Восточно-Европейский институт психоанализа, 2007. Т. 4.

- Фрейд З. Из истории одного инфантильного невроза // Собр. соч.: В 26 т. СПб.: Восточно-Европейский институт психоанализа, 2007. Т. 4.
- Фрейд З. Собр. соч.: В 10 т. М.: СТД, 2006. Т. 6.
- Фуко М. Безопасность, территория, население. Цикл лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1977–1978 годах. СПб.: Наука, 2011.
- Фуко М. История безумия в классическую эпоху. СПб.: Университетская книга, 1997.
- Фуко М. Надзирать и наказывать: рождение тюрьмы. М.: Ad Marginem, 1999.
- Шаламов В. Прокаженные // Варлам Шаламов. URL: <http://shalamov.ru/library/3/3.html>.
- Шенталь А. Различие и повторение: Дж. Агамбен о фильмах Ги Дебора // Теории и практики. 24.07.2014. URL: <http://theoryandpractice.ru/posts/9341-giorgio-agamben-on-guy-debord>.
- Han В.-С. The Agony of Eros. Cambridge, MA: MIT Press, 2017.
- Hart M. Rats // Granta. 01.07.2004. URL: <http://granta.com/rats>.

OXANA TIMOFEEVA. Professor, *Stasis* Center for Practical Philosophy; Leading Research Fellow, *Human, Nature, Technology* Center, otimofeeva@eu.spb.ru. European University at St. Petersburg (EUSP), 6a Gagarinskaya St., 191187 St. Petersburg, Russia.
University of Tyumen (UTMN), 23 Lenin St., Tyumen 625003, Russia.

Keywords: Michel Foucault; Sigmund Freud; isolation; plague; leprosy; exclusion; obsessive–compulsive disorder (OCD); rats.

The article discusses the problem of isolation and draws a parallel between two different approaches to it — Michel Foucault’s archeology of power and Sigmund Freud’s psychoanalysis. Foucault’s perspective is exemplified by his critique of the strategies of power as they were applied to the epidemics of leprosy and bubonic plague. For leprosy there was an undifferentiated exclusionary space, while the plague brought about a segmented space for confinement. The passage from the one strategy to the other marks the development of the disciplinary model of power: leper colonies are transformed into prisons and psychiatric wards. Freud’s approach is examined in his treatment of the Rat Man, the patient whose analysis prompted Freud to formulate his theory of obsessional neurosis, or obsessive-compulsive disorder (OCD).

The article emphasizes the relevance of the problem of OCD to the COVID-19 pandemic of 2020. The traditional strategy of power applied to leprosy was isolation by means of exile from towns, while for the plague isolation meant shutting towns down with their inhabitants each in their own place as if imprisoned. COVID-19 brought about a new strategy of self-isolation which entails creating physical and psychological barriers together with social distancing. Obsessional neurosis is evolving from an individual pathology into a kind of collective one: epidemiology influences mentality. In conclusion, the article takes up two literary examples — Roman Mikhailov’s text “The Wrong Side of a Rat,” and Varlam Shalamov’s story “Lepers,” from the *Kolyma Stories* collection — in which breaking out of isolation, disease and infection are presented as alternative affective experiences.

DOI: 10.22394/0869-5377-2021-2-1-25

References

- Agamben G. Izobretenie epidemii [L’invenzione di un’epidemia]. *Tsentr politicheskogo analiza* [Center for Political Analysis], March 12, 2020. Available at: <http://centerforpoliticsanalysis.ru/position/read/id/izobretenie-epidemii>.
- Agamben G. Meditsina kak religiiia [La medicina come religione]. *Tsentr politicheskogo analiza* [Center for Political Analysis], May 6, 2020. Available at: <http://centerforpoliticsanalysis.ru/position/read/id/meditsina-kak-religija>.
- Agamben G. Odin vopros [Una domanda]. *Tsentr politicheskogo analiza* [Center for Political Analysis], April 15, 2020. Available at: <http://centerforpoliticsanalysis.ru/position/read/id/odin-vopros>.
- Deleuze G., Guattari F. *Tysiacha plato: Kapitalizm i shizofreniia* [Mille plateaux: Capitalisme et schizophrénie], Yekaterinburg, Moscow, U-Faktoriia, Astrel’, 2010.
- Foucault M. *Bezopasnost’, territoriiia, naselenie. Kurs lektsii, prochitannykh v Kollezhe de Frans v 1977–1978 uchebnom godu* [Sécurité, territoire, population. Cours au Collège de France, 1977–1978], Saint Petersburg, Nauka, 2011.

- Foucault M. *Istoriia bezumii v klassicheskuiu epokhu* [Histoire de la folie à l'âge classique], Saint Petersburg, Universitetskaia kniga, 1997.
- Foucault M. *Nadzirat' i nakazyvat'. Rozhdenie tiur'my* [Surveiller et punir. Naissance de la prison], Moscow, Ad Marginem, 1999.
- Freud S. Iz istorii odnogo infantil'nogo nevroza [Aus der Geschichte einer infantilen Neurose]. *Sobr. soch.: V 26 t.* [Collected Works: In 26 vols], Saint Petersburg, Vostochno-Evropeskii institut psikhooanaliza, 2007, vol. 4.
- Freud S. *Sobr. soch.: V 10 t.* [Collected Works: In 10 vols], Moscow, STD, 2006, vol. 6.
- Freud S. Zametki ob odnom sluchae nevroza naviazchivogo sostoianiiia [Bemerkungen über einen Fall von Zwangsneurose]. *Sobr. soch.: V 26 t.* [Collected Works: In 26 vols], Saint Petersburg, Vostochno-Evropeskii institut psikhooanaliza, 2007, vol. 4.
- Goffin P. Koronavirus i mizofobiia. Kakovo vo vremia pandemii liudiam s boiazni'u mikrobov [Coronavirus and Misophobia. What Is it Like for People With Fear of Microbes to Live During a Pandemic?]. *Russkaia sluzhba BBC* [Russian BBC], May 17, 2020. Available at: <http://bbc.com/russian/features-52641528>.
- Han B.-C. *The Agony of Eros*, Cambridge, MA, MIT Press, 2017.
- Hart M. Rats. *Granta*, July 1, 2004. Available at: <http://granta.com/rats>.
- Kostyleva E. Filosofskie aspekty pervichnoi stseny v psikhooanalize [Philosophical Aspects of Primal Scene in Psychoanalysis]. A thesis submitted in fulfillment of the requirements for a Master degree in Philosophy. European University at St. Petersburg, 2020.
- Kulikov A. Kogda utrachivaiutsia razlichii mezhdumysliu i deistviem (Predislovie) [When the Differences Between Thought and Action Are Wiped Out]. In: Freud S. *Sobr. soch.: V 26 t.* [Collected Works: In 26 vols], Saint Petersburg, Vostochno-Evropeskii institut psikhooanaliza, 2007, vol. 4.
- Malabou C. Ot karantina do karantina: Russo, Robinzon Kruzo i "Ia" [To Quarantine From Quarantine: Rousseau, Robinson Crusoe, and "I"]. *Tsentr politicheskogo analiza* [Center for Political Analysis], April 1, 2020. Available at: <http://centerforpoliticsanalysis.ru/position/read/id/ot-karantina-do-karantina-russo-robinzon-kruzo-i-ja>.
- Mikhailov R. *Iznanka krysy* [Inside-Out of Rat], Saint Petersburg, Vse svobodny, 2018.
- Preciado P. Biopolitika v farmakopornograficheskuiu epokhu [Biopolitics in the Pharmacopornographic Era]. *Tsentr politicheskogo analiza* [Center for Political Analysis], May 27, 2020. Available at: <http://centerforpoliticsanalysis.ru/position/read/id/biopolitika-v-farmakopornograficheskuiu-epokhu>.
- Preciado P. Miagkaia tiur'ma: dobro pozhalovat' v domashniuiu tele-respubliku [The Soft Prison: Welcome to the Tele-Republic of Your Home]. *Tsentr politicheskogo analiza* [Center for Political Analysis], June 7, 2020. Available at: <http://centerforpoliticsanalysis.ru/position/read/id/mjagkaja-tjurma-dobro-pozhalovat-v-domashnjuju-tele-respubliku>.
- Savchenkova N. O razume, utrativshem tselesoobraznost', paraliche voli i pornografi [On the Mind, Which Lost Teleology, on the Paralysis of Will and Pornography]. In: Freud S. *Sobr. soch.: V 26 t.* [Collected Works: In 26 vols], Saint Petersburg, Vostochno-Evropeskii institut psikhooanaliza, 2007, vol. 4.
- Shalamov V. Prokazhennyye [The Lepers]. *Varlam Shalamov*. Available at: <http://shalamov.ru/library/3/3.html>.

- Shental A. Razlichie i povtorenie: Dzh. Agamben o fil'makh Gi Debora [Difference and Repetition: G. Agamben on the Films of Guy Debord]. *Teorii i praktiki* [Theory and Practice], July 24, 2014. Available at: <http://theoryandpractice.ru/posts/9341-giorgio-agamben-on-guy-debord>.
- Sotiris P. Protiv Agambena. Vozmozhna li demokraticeskaja biopolitika? [Against Agamben: Is a Democratic Biopolitics Possible?]. *Tsentr politicheskogo analiza* [Center for Political Analysis], March 2, 2020. Available at: <http://centerforpoliticsanalysis.ru/position/read/id/protiv-agambena-vozmozhna-li-demokraticeskaja-biopolitika>.
- Timofeeva O. "My" i "oni": soobshchestvo posle gumanizma ["Us" and "Them": Community After Humanism]. *Voprosy filosofii* [Questions of Philosophy], 2016, no. 6, pp. 57–65. Available at: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=1413.
- Timofeeva O. Depressiia, ili mir klinicheskikh treugol'nikov [Depression, or the World of Clinical Triangles]. *Sigma* [Sigma], August 19, 2019. Available at: <http://syg.ma/@oksana-timofeieva/diepriessiia-ili-mir-klinicheskikh-treugolnikov>.
- VOZ ob"iavila o nachale pandemii COVID-19 [WHO Announced COVID-19 Pandemic]. *Vsemirnaia organizatsiia zdravookhraneniia. Evropeiskoe regional'noe biuro* [World Health Organisation. European Regional Bureau], March 12, 2020. Available at: <http://euro.who.int/ru/health-topics/health-emergencies/coronavirus-covid-19/news/news/2020/3/who-announces-covid-19-outbreak-a-pandemic>.